

ЗА РАМКИ «АМПЛУА»

ИМЯ Олега Видова хорошо известно любителям кино. Его работа в фильмах «Красная мантия», «Ватерлоо», «Обыкновенное чудо», «Метель», «Москва — любовь моя» запомнилась зрителю. Многих читателей интересует, как Олег Видов стал актером. С этого вопроса и началась наша беседа.

— Когда я впервые пришел на студию устраиваться на работу, мне было все равно, кем работать: учеником, рабочим, осветителем. Главное, говорил я себе, жить в мире, где делается кино. Меня не приняли: 14 лет, возрастом не вышел...

Я начал искать дело, профессию, которая была бы сродни моей мечте. И совершенно неожиданно для себя нашел ее довольно далеко от мира моих устремлений, стал... санитаром приемного покоя больницы.

Днем была работа, вечером — учеба в школе. Так я жил до того дня, когда меня пригласили сниматься в фильме «Друг мой, Колька!». Позже стал заниматься в народном театре. Здесь я понял, что могу быть актером и что надо добиваться осуществления своей мечты. В 1962 году я стал студентом ВГИКа. Это было счастьем. Нет чувства радостнее, чем то, что ощущает человек, занимаясь дорогим для него и полезным для людей делом: ведь чувство своей полезности и есть главный стимул и импульс человеческой деятельности.

— Считаете ли вы, что нашли в кино своего героя, о котором мечтали в детстве?

— В формировании моих актерских устремлений большую роль сыграла литература. Я зачитывался Купером, Майн Ридом, Станюковичем, Гайдаром. Их герои покоряли меня силой чувств, бескомпромиссностью, благородством. Я до сих пор убежден, что романтические образы и в кино, и в литературе оказывают глубочайшее влияние на формирование характера. Романтика как понятие в наши дни обогащается новым смыслом: расширяется диапазон героической личности, а это, в свою очередь, предполагает рост актерского мастерства.

Зачастую кажется, что сыграть положительного героя легко: он нарисован как бы одной краской. Но тут-то и заключена опасность: такой очень уж положительный образ предстает монотонным, скучным, неправдоподобным, неубедительным. В жизни ведь нет одинаковых людей. Зачем же на экране или на сцене создавать образы — плакаты? Играть таких «голубых героев», честно говоря, не очень-то интересно.

— Как вы расцениваете такую сопутствующую актерской профессии «вещь», как популярность? Многие думают, что популярность и есть счастье...

— У популярности две стороны: одна внешняя — когда тебя узнают на улице, просят автограф и т. п., а другая — более глубокая. Я бы даже назвал это иначе — благодарность и память зрителя. Мне вспоминается то счастливое время, когда я не был актером, а был только зрителем и вместе с друзьями бегал на «Чапаева», «Судьбу человека», «Тихий Дон». Выходя из зала, я был благодарен авторам и актерам, создавшим фильм. Они помогли мне полюбить кино, полюбить их героев. Для меня стали близки образы, созданные Бондарчуком, Урбанским, Жераром Филипом, Габеном, Маньяни. Их герои просто становились

для меня близкими людьми. По-моему, в таких случаях только и можно говорить о настоящей популярности, а не о ее примитивных формах, которые, к сожалению, иногда встречаются.

— Скажите, наверное, у каждого актера наступает момент, когда он хочет перешагнуть рамки амплуа?

— Безусловно, это так. Но прежде всего режиссер должен увидеть в актере еще никем не увиденное, даже подчас не чувствуемое самим актером, разглядеть его «нутро», его мечту. И тогда происходит то, что произошло, например, с И. Чуриковой в фильме «В огне брода нет» или с М. Глузским в «Монолог». Эти актеры нашли себя в несколько необычных для них ролях. Они по-настоящему почувствовали человеческие характеры, предложенные им сценаристом и режиссером, и сыграли их так, что можно было говорить о появлении «новой» Чуриковой и «нового» Глузского.

У меня есть несколько небольших ролей, которые особенно мне дороги. Это роль английского солдата в фильме С. Бондарчука «Ватерлоо» и адмирала де Люме в «Тиле Уленшпигеле». В этих работах, как мне кажется, режиссеры сумели абстрагироваться от сыгранного мною ранее, нашли что-то новое, и я благодарен им за это. Конечно, и сам актер обязан искать все время новое и, может быть, даже отказываться от каких-то ролей, которые его не волнуют. Идеальное положение бывает в тех случаях, когда и актер и режиссер — единомышленники, когда их поиск идет в одном направлении. Тут мы можем говорить о настоящем искусстве.

— Вам приходилось работать с иностранными коллегами. Каковы особенности этой работы, что дают совместные съемки фильмов?

— Общение людей разных национальностей позволяет лучше узнать друг друга, понять жизнь, историю искусства разных стран. Ведь у каждого актера, откуда бы он ни был родом, своя национальная манера игры. При общении с зарубежным актером интересно все: и как он смотрит, и как говорит, и как ходит.

Другим важным аспектом такой работы является политическая миссия подобных фильмов. Они помогают разрушать представления, созданные еще в период «холодной войны», разрушать стереотип «красного», который долгое время шагал по экранам Запада и грубо искажал образ советского человека на потребу врагам нашей Родины, дела мира и социализма. Посредством кинематографа приобретаются новые друзья — как твои личные, так и друзья твоей страны.

Мне вспоминается премьера фильма «Москва — любовь моя» в Токио. Как неотрывно смотрели люди на экран, как внимали языку мира и добра с экрана! В такие минуты особенно четко сознаешь, как много может дать людям кино и какая ответственность лежит на всех, кто причастен к этому искусству.

Беседу вел И. ЗЕНИН.